

Блокада не для всех: продукты, деньги и текстиль из осажденного Ленинграда

А.В. СУШКОВ

The blockade is not for everyone: food, money and textiles from besieged Leningrad

A.V. SUSHKOV

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые обвинения, предъявленные фигурантам так называемого «ленинградского дела». Как свидетельствуют документы, в период блокады руководство Ленинграда направляло на Южный Урал своим эвакуированным семьям продукты питания, текстиль, снабжало их денежными средствами. Представители Смольного в Челябинске использовали вывезенные из Ленинграда материальные ресурсы для личного обогащения. После смерти И.В. Сталина все обвинения с осужденных были сняты. В статье поставлена под сомнение обоснованность хрущевской реабилитации фигурантов «ленинградского дела».

Ключевые слова: «ленинградское дело», партийно-государственная система власти, период «позднего сталинизма», коррупция, Ленинград, Челябинск.

Abstract. The article discusses some accusations, which were brought against the defendants of so-called "Leningrad affair". As the documents shows, the Leningrad leadership sent food, textiles to their own families evacuated to the Southern Urals and also supplied them with money during all the siege period. Smolny representatives in Chelyabinsk used material resources taken from Leningrad for personal enrichment. But after Stalin's death the charges against the accused participants were dropped out. The article called into question a validity of Khrushchev's rehabilitation in relation to the defendants of "Leningrad affair".

Key words: "Leningrad affair", party and state system of the power, "late stalinism" period, corruption, Leningrad, Chelyabinsk.

Использование служебного положения в личных целях стояло в ряду основных обвинений, выдвинутых против фигурантов «ленинградского дела» – одного из крупных политических дел «периода позднего сталинизма». Бывшим ленинградским руководителям были предъявлены обвинения в многочисленных фактах незаконного расходования государственных средств и материальных ресурсов в целях личного обогащения. Среди них – приобретение за государственный счет предметов роскоши в блокадном Ленинграде, а также трофейного имущества в Германии, а кроме того – устройство банкетов в тяжелое военное и первое послевоенное время, «разбазаривание» продуктов

питания, вследствие чего «был нанесен ущерб делу нормального снабжения жителей города продовольствием, особенно в период блокады». И в этом же ряду стоят обвинения в том, что они отправили из блокадного Ленинграда большое количество продуктов питания и промтоваров своим семьям, находившимся в эвакуации на Южном Урале – в Челябинске и Троицке ¹.

Материалы уголовных дел, которые бы позволили уточнить какие-либо детали этого эпизода «ленинградского дела», в настоящее время недоступны историкам-исследователям. Они доступны лишь родственникам осужденных.

Сыновья осужденного и впоследствии реабилитированного бывшего управляющего делами Ленинградского обкома и Ленинградского горкома ВКП(б) Филиппа Егоровича Михеева тоже получили возможность ознакомиться с материалами следственного дела. Итоги исследовательской работы они изложили в двух статьях, опубликованных в научном журнале. Братья Михеевы описали ход следствия, перечислили предъявленные их отцу обвинения, привели цитаты из протоколов допросов. Среди прочего им удалось обнаружить два протокола допроса Ф.Е. Михеева, где речь шла о вышеупомянутых «челябинских делах». Однако авторы статьи не стали подробно останавливаться на деталях и приводить цитаты из этих протоколов, ограничившись лишь общими формулировками: «Очередной допрос, проводившийся майором Метеленко почти через месяц, 30 ноября 1949 г., был посвящен связям Ленинградских обкома и горкома ВКП(б) с Челябинском и Троицком в годы блокады (куда в первых числах июля 1941 г. были переведены партархив, имущество обкома и горкома партии, обкомовский интернат с детьми и эвакуированные семьи работников обкома и горкома), а также лицам, осуществлявшим эти связи» ².

Повествуя о следующем допросе от 24 июня 1950 г., в том, что касалось «челябинских дел», авторы вновь ограничились лишь общими формулировками: «На допросе также подробно выяснялся характер помощи, которую оказывали Ленинградские обком и горком ВКП(б) находившимся в эвакуации в Челябинской области детскому интернату и семьям работников, а также проблемы, возникавшие при этом» ³.

В чем именно заключался «характер помощи», какие «проблемы» при этом возникали – на этих вопросах авторы статьи не стали акцентировать внимание. Тем самым они оставили нераскрытой суть отдельных очень важных обвинений, которые не только прозвучали в ходе допросов, но и нашли отражение в обвинительном заключении, предъявленном главным фигурантам дела.

Однако, помимо судебно-следственных материалов, пролить свет на некоторые обстоятельства «ленинградского дела» позволяют документы партийных инстанций. В частности, большое значение имеют документы, появившиеся в

Сушков Андрей Валерьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН. E-mail: suschkow@mail.ru.

Sushkov Andrey V. – candidate of historical sciences, senior researcher at the Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. E-mail: suschkow@mail.ru.

результате партийно-следственных мероприятий, которые проводились как аппаратом Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б), так и ленинградскими партийными органами. Следует также отметить, что партийно-следственные мероприятия осуществлялись не исключительно в позднесталинский период. Они имели место и в последующие хрущевские и брежневские времена, так как возобновлялись всякий раз, когда в партийные инстанции поступала апелляция того или иного фигуранта дела. При этом материалы старых дел могли пополняться новыми документами и свидетельствами.

Именно таким является дело сотрудника ленинградских обкома и горкома ВКП(б), Новгородского обкома ВКП(б) 1940-х гг. Федора Михайловича Широкова. Материалы этого дела содержат многие важные детали, которые позволяют пусть не полностью, но хотя бы в общих чертах реконструировать интересующий нас сюжет.

В августе 1941 г. из Ленинграда в Челябинск были отправлены несколько крытых грузовых вагонов с документами ленинградских обкома и горкома ВКП(б), а также с делами областного партархива. Вместе с грузовыми на Южный Урал отправился пассажирский вагон, где разместились более двух десятков человек – сотрудников горкома и партархива, а также их родных. Ответственность за доставку и сохранность партийных документов была возложена на заместителя управляющего делами ленинградских обкома и горкома ВКП(б) Ф.М. Широкова ⁴.

Вскоре на Южный Урал в эвакуацию прибыли семьи руководящих работников Ленинграда и детские интернаты ленинградских обкома и горкома ВКП(б). По сведениям самого Ф.М. Широкова, в Челябинске были размещены 40 семей. Большинство же – приблизительно 150–200 семей – были направлены на юг Челябинской области, в г. Троицк. Там же разместились детские интернаты с общим количеством около 600 детей ⁵.

По решению Смольного Широков был оставлен на Южном Урале в качестве уполномоченного ленинградских обкома и горкома партии. Официально – чтобы на месте разрешать все хозяйственные вопросы, связанные с пребыванием в Челябинске Ленинградского партархива и сектора единого партбилета обкома, а также детских интернатов обкома и горкома в Троицке. Кроме того, ему вменили в обязанность «оказание помощи эвакуированным семьям работников Ленинградского обкома и горкома ВКП(б), сохранение эвакуированного имущества Ленинградского обкома и горкома ВКП(б)» ⁶.

Челябинские власти, со своей стороны, прилагали большие усилия, чтобы создать для прибывших «номенклатурных семей» благоприятные условия. Для семей, которые разместились в Челябинске, был выделен дом в центре города, на улице Красной. 10 октября 1941 г. бюро Челябинского обкома ВКП(б) приняло постановление «О размещении эвакуированных семей руководящих работников Москвы и Ленинграда». «Проверкой установлено, что эвакуированные семьи руководящих партработников размещены в доме по ул. Красная 48, находятся в плохих бытовых условиях, – говорилось в констатирующей части

постановления. – Отопительная, водопроводная и канализационная сеть дома до сего времени не отремонтирована, стекла побиты, электропроводка неисправная. После освобождения Челябинской конторы “Главмука” дом остался без присмотра, горисполком никаких мер к ремонту этого дома не принимает». Бюро обязало председателя горисполкома С.В. Нестерова под его личную ответственность в десятидневный срок отремонтировать отопительную систему, электропроводку, окна и двери в этом доме. Председателю облплана Н.П. Паничкину поручили выделить необходимое количество угля и дров для отопления, а заведующему угольным отделом обкома Иванову – «рассмотреть вопрос о включении электроосвещения»⁷.

В Троицке для этой категории эвакуированных также создавались приемлемые условия. Как указывал в заявлении 1969 г. Ф.М. Широков, два детских интерната и семь семьи прибыли в Троицк в сопровождении секретаря Ленинградского обкома ВКП(б) Дмитриева. Под детские интернаты были отданы здания средней школы и ветеринарного института. Приблизительно две сотни семей были «размещены в частных домах в принудительном порядке с привлечением и участием административных органов»⁸.

О материальном положении «номенклатурных семей» известно в общих чертах от того же Ф.М. Широкова – из его объяснительной записки, написанной в Комиссию партийного контроля при ЦК ВКП(б) в сентябре 1949 г. «Семьи руководящих работников, в Челябинске – особенно, жили материально хорошо обеспеченные, – писал Ф.М. Широков, – в большинстве не работали, получали продуктовый лимит в спецмагазине, получали часто денежные посылки из Ленинграда, продуктовые посылки из Ленинграда и Москвы, кроме того, получали продовольственные и промтоварные карточки и карточки сухого пайка, и обеды в столовой по первой рабочей группе или спецгруппе»⁹.

Позже, в 1969 г., Ф.М. Широков среди прочего упомянул, что располагал подотчетными денежными средствами, предназначенными для выдачи «номенклатурным семьям»¹⁰. То, что семьи ленинградского начальства не бедствовали, подтверждается и другими документами.

Как уже говорилось, в обязанности Широкову было вменено хранение эвакуированного имущества, принадлежавшего ленинградским обкому и горкому ВКП(б). Речь шла о вывезенном имуществе и ценностях из обкомовских домов отдыха в Пушкине и Петергофе, из санатория «Зачеренье», Таврического дворца, музеев Ленина и Кирова, Дома партпросвещения в Пушкине, с Ленинских курсов. Главным образом это были одеяла, простыни, скатерти, ковры и ковровые дорожки, различные ткани. Имущество прибыло в Челябинск в нескольких опломбированных грузовых вагонах в сопровождении работника Смольного Ф.А. Кричевской¹¹.

Какова была необходимость вывозить на Урал постельное белье, одеяла, ковры и пр., выделять на эти цели остродефицитные вагоны, задействовать перегруженную стратегическими грузами железную дорогу? Анализ имеющихся документов показывает, что это имущество не предполагалось хранить

в неприкосновенности. Оно продавалось за наличный расчет эвакуированным семьям руководящих работников Ленинграда, а также детским интернатам ленинградских обкома и горкома. И, как показала ревизия, в немалом количестве уходило «на сторону»¹².

Несмотря на разбазаривание складов, нет никаких сведений о том, что какая-то часть партийного имущества была направлена на обеспечение эвакуированных ленинградцев, трудившихся, в частности, на Кировском заводе в Челябинске. Напротив, есть свидетельство Широкова о том, как ленинградское начальство в лице второго секретаря горкома и обкома ВКП(б) А.А. Кузнецова запретило передавать или продавать вещи заводу: «В конце 1941 или начале 1942 года парторганизация Кировского завода обратилась в Ленинградский горком ВКП(б) за помощью: разрешить отпустить со склада в Челябинске за деньги или во временное пользование для детского интерната завода старых фланелевых одеял и простыней. Секретарь горкома ВКП(б) Кузнецов ответил не мне, а жене в своем к ней письме, о том, что отпускать одеяла и другое не надо. Эти слова в письме мне передала как указание»¹³.

В дальнейшем «ленинградские вожди», несмотря на тяжелейшие военные условия, прилагали немалые усилия для помощи своим эвакуированным семьям.

В заявлении 1969 г. в Ленинградский обком КПСС Ф.М. Широков сообщил, что приблизительно в январе-феврале 1942 г. в Челябинск прибыли два вагона посылок в сопровождении работника Смольного. Посылки, по его словам, во время перевозки через Ладожское озеро были залиты водой, до Челябинска добрались в смерзшемся виде, и ему пришлось их вскрывать и сушить, «чтобы установить их принадлежность, раздать и разослать по разным городам»¹⁴.

Каких-либо иных документальных подтверждений написанному Широковым в настоящее время нет. Широков спустя почти три десятилетия после описываемых событий мог ошибаться в каких-либо деталях, неправильно датировать прибытие посылок. Вместе с тем сомнительно, чтобы он выдумал эту историю от начала и до конца.

Но вот следующие обстоятельства были не только описаны Широковым, но и достаточно хорошо задокументированы, причем задолго до начала «ленинградского дела».

В июне и сентябре 1942 г. в Челябинск и Троицк в распоряжение Ф.М. Широкова прибыли несколько грузовых вагонов с одеждой, обувью, текстильной мануфактурой. Помимо промтоваров, в вагонах были посылки, адресованные семьям ленинградского начальства. Вагоны прибыли в сопровождении директора Ленинградской швейной фабрики индивидуальных заказов Алексея Степановича Злобина, так как большинство прибывших товаров были закуплены у этой фабрики. Адресные посылки были доставлены Злобиным семьям в Челябинске и Троицке. Промтовары же общей стоимостью более полумиллиона рублей предполагалось реализовать тем же семьям и детским интернатам¹⁵.

Дефицитные промтовары продавались не только женам ленинградского начальства – супруги первых лиц Челябинска тоже воспользовались этим источником. Примером может послужить продажа сатина, организованная в ноябре 1942 г. в челябинской кладовой ленинградских обкома и горкома партии. Больше всех – 19,8 м – взяла себе Н.И. Патоличева, жена первого секретаря Челябинского обкома ВКП(б). Почти столько же досталось О.М. Попковой – супруге председателя Ленинградского горисполкома. Запросы остальных были скромнее: Капустина купила 14 м сатина, Соловьева и Маханова – по 12 м, Вербицкая – 10, Штыкова – 9, Никитина – 5 м. В списке значились две покупательницы под фамилией «Кузнецова»: первая взяла 17 м сатина, вторая, Кузнецова Л., – 16,5. Не осталась в стороне жена директора Челябинского Кировского завода и наркома танковой промышленности И.М. Зальцмана, которая приобрела без малого 10 м этой ткани ¹⁶.

В середине 1943 г. Злобин и Широков прибыли в Ленинград. 19 июля они предъявили главному бухгалтеру управления делами ленинградских обкома и горкома ВКП(б) К.А. Сазонову акт на сумму 70 248 руб. 49 коп. для окончательного расчета управления делами с фабрикой индивидуальных заказов. Однако акт не был принят по причине того, что представлен он был через год после реализации промтоваров, а к нему не были приложены счета фабрики индивидуальных заказов. Кроме того, выяснилось, что предыдущие расчеты с этой фабрикой производились не по счетам, а по актам сдачи товаров Злобиным Широкову, что было расценено как грубое нарушение финансовой дисциплины. По личному указанию А.А. Кузнецова в целях ревизии финансово-хозяйственной деятельности Широкова и Злобина в Челябинск выехали заместитель управляющего делами ленинградских обкома и горкома Н.М. Юницын и главный бухгалтер К.А. Сазонов ¹⁷. Проверяющие выявили многочисленные злоупотребления того и другого. Впоследствии материалы этой проверки легли в основу уголовного дела.

Почему А.А. Кузнецов решил проявить «большевистскую принципиальность» и инициировал проведение на Южном Урале ревизии? Ведь, как позже выяснилось, сами «блокадные секретари» в это же время за государственный счет приобретали в личное пользование золотые изделия, дорогостоящую изысканную мебель и другие предметы роскоши, а также устраивали банкеты с обильными алкогольными возлияниями. Да и после войны аскетизмом не отличались.

Ф.М. Широков связывал начало проверки с кознями жены А.А. Кузнецова – Зинаиды Дмитриевны Воиновой-Кузнецовой. «Я считаю, что сама ревизия и ее такой продолжительный разбор по времени был связан со сплетнями жены секретаря горкома ВКП(б) Кузнецова – Воиновой и его родственников, – писал в 1949 г. Широков в объяснительной записке в КПК. – Она больше всех других играла роль в информации о моей работе и злоупотребляла своим положением» ¹⁸.

Как следует из заявлений Широкова, чаще всего ему приходилось контактировать с женой А.А. Кузнецова. Через нее он получал некоторые указания,

которые были изложены в адресованных ей личных письмах. Об одном таком случае уже говорилось выше – это отказ А.А. Кузнецова в удовлетворении просьбы парторганизации Челябинского Кировского завода о выдаче со склада одеял и простыней. «Другой факт: жена Кузнецова – Воинова показала мне часть письма, где мне предлагалось разобраться в сплетнях, которые по существу исходили от ее к другим женам о каких-то наградах мужей и присылаемых денежных и продуктовых посыл[ках]. Разбирать эти сплетни я отказывался, так как они на месте почти происходили ежедневно»¹⁹.

Вполне возможно, что жена А.А. Кузнецова сообщала мужу о каких-то неблагоприятных деяниях Ф.М. Широкова в Челябинске и это сыграло свою роль в решении тщательно проверить его работу. Тем более что комиссия из Смольного, как подчеркивал Широков, была направлена в Челябинск уже после того, как семьи главных ленинградских руководителей покинули место эвакуации²⁰. Вызывает лишь сомнения, что решающее значение имел отказ челябинского представителя Смольного разбираться в дрызгах между женами «ленинградских вождей». Ведь к Широкову были куда более серьезные претензии.

Н.М. Юницын и К.А. Сазонов установили, что имущество ленинградских обкома и горкома партии прибыло в Челябинск в тюках. Сопровождавшая имущество Ф.А. Кричевская сдала Широкову опись вещей с указанием организаций, которым они принадлежали. Однако Широков не стал оформлять приемку этого имущества. Оно распаковывалось и продавалось за наличный расчет, передавалось во временное пользование детским интернатам и другим организациям. В августе 1942 г. все тюки были распакованы, находившееся в них имущество рассортировано по разновидности. Соответственно, имущество было обезличено, то есть утратило прежнюю принадлежность. Согласно имеющейся документации, которая была изрядно запутана и вызывала сомнения в достоверности, было продано 268 одеял, 400 простыней, почти 290 м ма-нуфактуры. Проверяющие недосчитались в кассе Широкова более 10 тыс. руб., которые были получены с продаж. А при пересчете всего имущества выявили недостачу 158 м сатинета, 39 м белого полотна, 6 м сукна-трико, 11 м обойного материала²¹.

В акте ревизии проверяющие указали: «При рассмотрении ведомости проданного имущества за период 1941–1942 гг. усматривается, что широко применялся отпуск имущества за наличный расчет, в отдельных случаях не вызывавшийся необходимостью помощи эвакуированным семьям работников Ленинградского обкома и горкома ВКП(б)»²². Это лишний раз свидетельствует, что партийное имущество было отправлено руководством Смольного в Челябинск не на сохранение, как декларировалось, а в качестве своеобразного «стратегического запаса», который должен был обеспечивать относительное материальное благополучие номенклатурных семей.

Но самое пристальное внимание проверяющих, как следует из документов, было направлено на ревизию промтоваров, поступивших в Челябинск в 1942 г. «В 1942 году направлено было т. Широкову Ф.М. промтоваров на сумму – Руб.:

413.581–03 для детских интернатов и эвакуированным семьям работников Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) (одежда, обувь, мануфактура и др.), – указывалось в акте ревизии. – Промтовары из г. Ленинграда до г. Троицка сопровождал б[ывший] директор Ленинградской швейной фабрики индивидуальных заказов т. Злобин, т.к. в значительной своей части промтовары были закуплены у этой фабрики т. Широковым Ф.М., на что имеется его заверка счетов и оплата, и расписка в приеме общего количества мест, упакованных промтоваров, но по ассортименту и количеству промтовары были приняты самим т. Злобиным. Кроме промтоваров на вышеуказанную сумму т. Злобиным непосредственно было привезено т. Широкову Ф.М. без оформления в управлении делами ОК и ГК ВКП(б) промтоваров на Руб.: 110.989–23. А всего промтоваров, доставленных т. Злобиным на Руб.: 526.570–26»²³.

Следует отметить, что итоговая сумма в акте оказалась превышенной на 2 тыс. руб. Возможно, то была лишь техническая ошибка, закрававшаяся в подсчеты. Однако это не столь существенно, если учесть, что в приложенной к акту ревизии служебной записке на имя А.А. Кузнецова проверяющие называли иную, куда большую сумму стоимости отправленных в Челябинск товаров. И здесь же изложили суть финансовых махинаций Широкова и Злобина. «Промтовары, принятые в г. Ленинграде тт. Широковым и Злобиным – бывш[им] директором фабрики индивидуальных заказов на сумму Руб. 593.552–44, отправленные в г. Челябинск для детских интернатов и эвакуированных семей работников Ленинградского обкома и горкома ВКП(б), в значительном количестве шли не по прямому назначению, – говорилось в записке. – Сопровождавший эти предметы т. Злобин часть из них не сдал (пальто, костюмы, мануфактура, сукно и др.) на сумму Руб. 72.201–64. В целях покрытия стоимости несданных промтоваров тт. Широковым и Злобиным при продаже была сделана незаконная наценка на сумму Руб. 64.273–59 в среднем на 15 %, а на некоторые и больше, не вызывающаяся никакой необходимостью, так как транспортные и другие расходы по отправке промтоваров в гор. Челябинск были оплачены непосредственно управлением делами Ленинградского ОК и ГК ВКП(б). Тов. Широков не сообщил сумму наценки и отрицал, что она произведена с его ведома, и уже после представления справок от директоров детских интернатов, подтвердивших, что наценка была по его распоряжению, признал это. Оформление документов о сдаче и приемке промтоваров и расчеты за них умышленно запутывались. Промтовары не все приходовались»²⁴.

Возможно, что путаница, возникшая у проверяющих со стоимостью отправленных в Челябинск товаров, объясняется состоянием финансовой документации у Широкова. Даже спустя много лет, в декабре 1969 г., доцент кафедры философии Первого Ленинградского медицинского института Н.М. Юницын писал в Ленинградский обком КПСС: «Вспоминается, что учет и хранение документов находились в неудовлетворительном состоянии»²⁵.

Вместе с тем необходимо отметить, что проверяющие в акте от 6 октября 1943 г. сознательно отразили далеко не все аспекты финансово-хозяйственной

деятельности Ф.М. Широкова. Так, в сведениях о его расчетных операциях среди прочего упоминается, что управление делами ленинградских обкома и горкома партии в 1942 г. перечислило ему на счет 54 090 руб. и не поставило их в подотчет ²⁶. Иначе говоря, Широкову были перечислены полсотни тысяч рублей, которые он мог потратить на любые нужды по своему усмотрению и за которые ему не нужно было отчитываться перед бухгалтерией Смольного. Установить, было это исключением или обычной практикой, из акта ревизии невозможно. В акте лишь присутствует упрек в адрес бухгалтерии ленинградских обкома и горкома ВКП(б), что ею «не было своевременно принято мер для внесения ясности в подотчетные суммы т. Широкова» ²⁷.

Проверяющие выявили и зафиксировали недостачу по подотчетным суммам. Однако движение подотчетных денежных средств начиная с 1941 г. и, соответственно, их целевое назначение в акте ревизии отражены не были. В акте были зафиксированы лишь 34 тыс. руб., которые числились на подотчете у Широкова, по данным управления делами, на 1 августа 1943 г. Целевое назначение этой суммы указано не было, а отмечено лишь, что это остаток средств после выдачи некоему Файбисову ²⁸.

Из акта ревизии можно сделать вывод, что Широков распоряжался не только промтоварами, но и продуктами питания. Так, среди прочего в акте вскользь упомянуто, что он получал продукты из ОРСа Челябинского Кировского завода, но не оформлял их должным образом, ввиду чего нельзя было установить «правильность расходования продуктов». «Продукты, полученные от детинтернатов бесплатно из Ленинградского фонда, вывезенного из Галича, отпускались за наличный расчет без приходования», – отмечалось в акте ревизии. Кроме того, в августе 1942 г. из кассы Широкова были уплачены 4 676 руб. Челябинскому военторгу за шоколад, но финансовые документы не были оформлены должным образом. Также проверяющие зафиксировали недостачу 7,2 кг шоколада, закупленного неким Мацовым в Москве в ноябре 1942 г. и что тому была выплачена тысяча рублей за транспортные расходы по отправке шоколада ²⁹.

Судя по составленному акту, проверяющие не стремились задокументировать всю полноту расходов на материальное обеспечение «номенклатурных семей». В частности, ревизующие так и не составили полный перечень отправленного ленинградским партийным начальством в Челябинск в 1942 г. Сделано это было по вполне понятным причинам: полноценный подробный акт ревизии финансово-хозяйственной деятельности Широкова мог стать обвинительным материалом не только против управления делами Смольного, но и против «ленинградских вождей».

Акт ревизии вместе со служебной запиской на имя А.А. Кузнецова Юницын и Сазонов передали своему непосредственному начальнику – Ф.Е. Михееву, а уже последний доложил об итогах ревизии Кузнецову ³⁰. В ноябре 1943 г. материал о злоупотреблениях Ф.М. Широкова и А.С. Злобина был направлен прокурору г. Ленинграда. Прокуратура начала проверку, а затем возбудила

уголовное дело по обвинению того и другого в преступлениях, предусмотренных ст. 109 Уголовного кодекса РСФСР («Злоупотребление властью или служебным положением») ³¹.

Тем не менее делать вывод, что Смольный дал ход делу о злоупотреблениях своего челябинского представителя, было бы неверным. Несмотря на обвинения в финансово-хозяйственных преступлениях, Широков не был снят с должности заместителя управляющего делами ленинградских обкома и горкома партии и все так же продолжал работать на Южном Урале. Мало того, в июле 1944 г. он был отозван из Челябинска и в составе группы партийных работников был направлен во вновь образованную Новгородскую область, где был назначен на должность заведующего финхозсектором Новгородского обкома ВКП(б) ³².

Прокуратура Ленинграда, в свою очередь, не спешила с расследованием. Известно, что Широкова периодически вызывали на допрос. Ленинградский инженерно-экономический институт имени В.М. Молотова провел судебно-бухгалтерскую экспертизу имеющихся в деле документов. Экспертное заключение было подписано 3 января 1945 г. заведующим кафедрой учета, кандидатом экономических наук доцентом Петровым. Экспертиза пришла к выводу, что «гр. А.С. Злобин, выполняя поручение по доставке промтоваров из г. Ленинграда уполномоченному ленинградского ОК и ГК ВКП(б) гр. Широкову Ф.М., получил от ГШФИЗ и от управления делами ОК и ГК ВКП(б) по заверенным Широковым счетам товаров в Ленинграде на общую сумму 564.406–94 [руб.]» и что «из этого количества он не сдал товаров (в твердых государственных ценах) на сумму 60.068–49 [руб.]». В то же время Злобин сдал товары, которые не числились в счетах фабрики и управления делами, на сумму 6.212–68 руб., то есть заменил одни вещи на другие. Также эксперты посчитали общую наценку на товары, сделанную Широковым и Злобиным: она составила 78.895–91 руб. (особо было оговорено, что эта сумма не является окончательной, так как ни ревизия 1943 г., ни экспертиза не располагали всеми полагающимися документами). Экспертиза не только признала фиктивным акт на 70 тыс. руб., составленный Широковым и Злобиным, но и поставила под сомнение законность принятия управлением делами Смольного предыдущего их акта без счетов на сумму 157 545 руб. ³³

Однако, несмотря на собранную доказательную базу, передача материалов уголовного дела Широкова и Злобина в суд все откладывалась. А 8 июля 1946 г. бюро Ленинградского горкома ВКП(б) приняло постановление «О результатах расследования материалов ревизии финансово-хозяйственной деятельности бывшего уполномоченного ленинградских обкома и горкома ВКП(б) т. Широкова Ф.М.». В постановлении говорилось: «Учитывая трехгодичную давность дела, что в ходе следствия главный виновник Злобин пробыл под стражей более года, а также объявление Правительством амнистии в честь Победы, предложить прокурору города дело производством прекратить» ³⁴. Постановление бюро горкома строго засекретили грифом «особая папка».

Решение Смольного прокурор города А.С. Неганов воспринял как руководство к действию. 19 июля старший следователь прокуратуры Ленинграда М.Н. Ваксман постановил дело по обвинению А.С. Злобина и Ф.М. Широкова по ст. 109 УК РСФСР «дальнейшим производством расследования прекратить». Суть обвинений следователь изложил так, что Злобин и Широков в 1942–1943 гг. «не отчитывались в товарно-денежных средствах», принадлежащих ленинградским обкому и горкому ВКП(б). Основания для прекращения дела были следующими: «Учитывая, что действия Злобина и Широкова имели место в 1942–1943 гг. и в настоящее время общественно опасными не являются в силу целого ряда факторов, обусловленных Указом об амнистии в связи с Победой в войне над гитлеровской Германией, принимая во внимание, что по материалам настоящего дела Ленинградским горкомом и обкомом ВКП(б), вынесено постановление о прекращении за нецелесообразностью предания Злобина и Широкова суду»³⁵.

Чем был обусловлен столь резкий поворот в судьбе Широкова и Злобина? Позднее, уже в ходе «ленинградского дела», сотрудники Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) будут объяснять назначение Широкова в Новгородский обком и прекращение уголовного дела стремлением Кузнецова и Попкова спасти его от судебной и партийной ответственности³⁶. И действительно, оба хозяина Смольного, а также их приближенные не раз предпринимали подобные действия, когда речь заходила об ответственности за проступки «своих людей»³⁷. Однако вызывает сомнения, что Кузнецов и Попков принялись «спасать» Широкова. Ведь из документов однозначно следует, что ревизия в Челябинске проводилась по указанию А.А. Кузнецова, и он же стоял за передачей материалов этой ревизии в прокуратуру.

Судьбу уголовного дела могли предрешить иные обстоятельства. Как уже говорилось, Н.М. Юницын и К.А. Сазонов при составлении акта ревизии обошли некоторые аспекты финансово-хозяйственной деятельности Широкова, поскольку те могли обернуться против самих ревизоров и главных ленинградских руководителей. Широков в прокуратуре категорически отвергал предъявленные ему обвинения и цеплялся за любую возможность свалить вину на кого угодно – на управление делами во главе с Михеевым, на неумелых кладовщиков и на своего подельника Злобина. В доказательство предъявлял документы. Как следует из заявления Широкова в партконтроль в 1949 г., во время одного из допросов в прокуратуре он представил в свою защиту некоторые финансовые документы, на что последовала резкая реакция: «Я следователю во время разговоров предъявил два счета-накладные на посылки промтоваров и детских пальто для членов семей Кузнецова, Попкова, Капустина, Михеева. Эта сумма была отнесена на мой счет. Следователь вместо того, чтобы разобраться, сделал мне серьезную нотацию за то, что я не имею права этими служебными документами оперировать, что они являются секретными и он меня может привлечь»³⁸.

Вероятнее всего, новый «ленинградский вождь» П.С. Попков по согласованию с «вождем» предыдущим – А.А. Кузнецовым решил замять «неудобное

дело». Тем более что Ф.М. Широков к тому времени уже два года верой и правдой служил новому хозяину – первому секретарю новгородских обкома и горкома Г.Х. Бумагину.

Так, в квартиру Г.Х. Бумагина без разрешения управления делами ЦК ВКП(б) была закуплена дорогостоящая обстановка. В декабре 1944 г. в магазине № 36 Ленскупторга на Международном проспекте за 35 тыс. руб. была приобретена гостиная из красного дерева, обитая шелком: трюмо, диван, два кресла, два стола, 10 стульев и четыре консольки. Следом, в январе 1945 г. в магазине № 43 Ленскупторга на Невском проспекте купили персидский ковер за 25 тыс. руб.³⁹ Кроме того, квартиру Бумагина украсили кожаный диван за 8 тыс., портьеры и занавески почти на 10 тыс. руб. В общей сложности только на обстановку квартиры Бумагина было потрачено 131 тыс. руб. Для секретарей обкома и членов их семей построили и содержали специальную баню, а для охоты и прогулок приобрели катер. Эти и другие документально зафиксированные расходы свидетельствовали, что Широков не жалел средств на удовлетворение высоких материально-бытовых запросов новгородских руководящих работников⁴⁰.

Заведующий финхозсектором активно использовал на новом месте опыт, ранее приобретенный в Ленинграде. Так, сотрудникам партконтроля он пояснял, почему в ноябре 1944 г., помимо столовой, организовал в обкоме специальный буфет, где сверх установленных лимитов расходовались продукты, вино и водка и доступ к которому имели не только секретари и члены бюро обкома, но и их семьи. По его утверждению, обслуживание руководящих работников в Новгороде строилось «по примеру Ленинграда», «так как все работники из г. Ленинграда»⁴¹.

О себе Широков тоже не забывал. По всей видимости, основным источником его материального обогащения стала продовольственная база обкома. На базу он трудоустроил своих знакомых. Проверять их не позволил даже сотрудникам госбезопасности, хотя эти работники базы имели отношение к продуктам, которыми снабжались секретари обкома. Охрана Г.Х. Бумагина доложила об этом начальнику областного УМГБ И.В. Речкалову, и последний напрямую обратился к первому секретарю обкома с предложением проверить работников базы. Но получил отказ: «Пусть этим делом занимается Широков». Впоследствии выяснилось, что продукты на базе разворовывались, одна работница за это была осуждена⁴².

Проблемы у Широкова начались лишь после того, как в начале 1949 г. А.А. Кузнецов в Москве и П.С. Попков в Ленинграде были сняты со своих постов. Злоупотребления Широкова на Южном Урале вновь стали предметом разбирательств. Причем толчком к разбирательствам послужило не мнение в высоких властных кабинетах, а «сигнал снизу» – из низовой парторганизации. На партсобрании Ленинградского планового института, посвященном вопросу «О постановлении объединенного пленума Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) от 22.II.1949 года», член партии Петров поднял вопрос

о злоупотреблениях Широкова и Злобина и прекращении их дела Ленинградским горкомом ВКП(б). Судя по информированности участника партсобранин, вероятнее всего, это был тот самый завкафедрой Инженерно-экономического института доцент Петров, который в 1945 г. проводил судебно-бухгалтерскую экспертизу. В Смольном инициировали проверку, подняли следственные материалы и документы горкома. О результатах этой проверки первый секретарь ленинградских обкома и горкома партии В.М. Андрианов сообщил в письме на имя члена Политбюро, секретаря ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкова. Новый хозяин Смольного изложил обвинения Широкова и Злобина в хищении промтоваров и растратах подотчетных сумм. Сообщил, что стоимость похищенных товаров в государственных ценах составила 72 тыс. руб., а в существовавших рыночных – свыше 800 тыс., а также проинформировал об обстоятельствах прекращения уголовного дела, в том числе о решении бюро Ленинградского горкома ВКП(б) от 8 июля 1946 г. за подписью П.С. Попкова. В конце письма Андрианов с присущей ему резкостью и категоричностью предложил возобновить дело и наказать виновных: «Считал бы необходимым освободить Широкова от работы в Новгородском обкоме ВКП(б) и вместе с сообщником Злобиным привлечь к судебной ответственности»⁴³.

Далее события развивались стремительно и в негативном для Широкова и Злобина ключе. Письмо В.М. Андрианова было датировано 9 апреля 1949 г. А уже 21 мая управляющий делами ЦК ВКП(б) Д.В. Крупин отчитался перед Г.М. Маленковым о проверке финхозсектора Новгородского обкома партии. Крупин сообщил о незаконных расходах на личные нужды отдельных работников обкома, акцентировав внимание на материальном обеспечении первого секретаря обкома Бумагина. Крупин предложил снять Широкова с должности «за запущенность в работе финхозсектора, бесхозяйственность и использование им служебного положения в личных целях»⁴⁴. Это и было сделано в начале июня, а изобличающие Широкова материалы были переданы для рассмотрения в Комиссию партийного контроля при ЦК ВКП(б). Решением последней 13 сентября Широков был исключен из партии «за недостойное поведение», а материалы о злоупотреблениях направлялись в Прокуратуру СССР⁴⁵.

Но еще днем ранее, 12 сентября 1949 г., новый прокурор Ленинграда С.Н. Однаков вновь возбудил уголовное дело против Злобина и Широкова. А.С. Злобин уже 27 октября был арестован и помещен в тюрьму УМВД по Ленинградской области, а с Широкова в апреле 1950 г. была взята подписка о невыезде из г. Ленинграда. И тот и другой виновными себя не признавали, приводя различные аргументы, в том числе ссылались на неправильные действия управления делами ленинградских обкома и горкома и на указания управляющего делами Ф.Е. Михеева⁴⁶.

В заявлении в цеховский партконтроль Ф.М. Широков возлагал вину за возникшие недостатки на Ф.Е. Михеева и пытался представить себя жертвой интриг в Смольном. «Я считаю, что управделами Михеев написал докладную записку и направил секретарю горкома ВКП(б) Кузнецову с целью чтобы

свалить свою вину с себя, – писал он в заявлении. – Он сам был обязан и должен непосредственно разобраться с расчетами с управлением легкой промышленности и выяснить какую-либо недостачу и расхождения, если касалось меня – надо было вызвать, но этого никем сделано не было. Я узнал Михеева во время моих приездов во время войны и считаю, что он вошел в доверие к секретарю горкома ВКП(б) Кузнецову благодаря личным связям с родственниками жены Кузнецова – братьями Воиновыми, которые околачивались и жили в комнате в Смольном рядом с кабинетом Михеева. Он их кормил и пил с ними вместе водку, они ему создавали авторитет. Один из них числился вроде какого-то военного консультанта у Кузнецова, а другой числился в МПВО. Он для семьи Кузнецова особенно и также для его родственников делал чрезмерно много. Сам Михеев много посылал посылок с промтоварами к своей жене в г. Троицк, которая их продавала на рынке»⁴⁷.

Следует отметить, что приведенный сюжет не являлся характерным для заявлений Ф.М. Широкова. Рассуждения заявителя о «злоупотреблениях» и кознях жены А.А. Кузнецова, неформальных связях Ф.Е. Михеева с родственниками А.А. Кузнецова призваны были дискредитировать его оппонентов, инициировавших в 1943 г. ревизию и передачу материалов в следственные органы. Во всех заявлениях Широков мастерски уходит от раскрытия всех деталей своей деятельности в Челябинске, не говорит об указаниях, которые получал в Смольном. Умалчивает он и о том, какие материальные ресурсы направляли ленинградские руководители на Южный Урал своим эвакуированным семьям, ограничиваясь общими словами: «промтовары», «посылки». По всей видимости, с него это и не спрашивали. Судя по документам, следствие как цеховского партконтроля, так и ленинградской прокуратуры шло по тому же пути, что и предыдущее расследование 1943–1946 гг.: в центре внимания находились злоупотребления, зафиксированные в материалах ревизии 1943 г.

Прокуратура Ленинграда вновь предъявила Широкову и Злобину обвинения в совершении преступлений, предусмотренных ст. 109 Уголовного кодекса РСФСР. В середине мая 1950 г. следствие было закончено и дело передано в Ленинградский городской суд. Однако и на сей раз до судебных разбирательств не дошло: делом заинтересовались в Москве. Обвиняемый Злобин был этапирован в распоряжение следственной части по особо важным делам МГБ СССР. Ф.М. Широков был арестован 4 ноября 1950 г. управлением МГБ по Ленинградской области по обвинению в проведении контрреволюционной деятельности⁴⁸.

Следствие в МГБ СССР стало рассматривать как состав преступления не только злоупотребления Злобина и Широкова, но и сам факт отправки материальных ресурсов из блокадного Ленинграда на Южный Урал. В обвинительном заключении против центральной группы фигурантов «ленинградского дела» говорилось следующее: «Прикидываясь заботливыми руководителями, якобы постоянно хлопочущими о нуждах ленинградцев, обвиняемые Кузнецов, Попков и Капустин в действительности обкрадывали их. В период войны, в 1942 году

Попков, Кузнецов и Капустин через обвиняемого Михеева, невзирая на чрезвычайно трудное положение со снабжением населения Ленинграда, блокированного немецкими войсками, неоднократно отправляли из города большое количество остродефицитных продуктов питания и промтоваров своим семьям и семьям своих сообщников, эвакуированным в гг. Челябинск и Троицк. Попков, Кузнецов и их прихлебатели так низко пали, что урывали продукты у голодающего населения осажденного Ленинграда и тайно, под видом “спецгрузов” Ленинградского обкома ВКП(б) целыми вагонами вывозили своим родственникам, находившимся в глубоком тылу.

Обвиняемый Михеев показал: “Используя свое служебное положение, Кузнецов, Капустин, Попков, Соловьев, я и другие участники нашей вражеской группы летом 1942 года отправили из блокированного Ленинграда для своих семей пять грузовых пятитонных автомашин с продуктами питания и товарами широкого потребления. Подобно ворах с большой дороги, мы ночью, втайне от населения города, вывезли под видом “спецгрузов” Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) такие продукты, как белую муку, сахар, крупы, шоколад и другие кондитерские изделия”.

Однако этим дело не ограничилось, и вскоре была снаряжена новая экспедиция с посылками семьям. Об этом обвиняемый Михеев показал: “Вторичная отправка, примерно такого же ассортимента продуктов питания и промышленных товаров, состоялась по указанию Кузнецова и Капустина в сентябре 1942 года. В этот раз мы урвали у голодавшего населения Ленинграда гораздо большее количество продовольствия, взяв его со складов Леноблпотребсоюза. Мы нагрузили продовольствием и промтоварами несколько вагонов и опять как “спецгруз” вывезли все это по железной дороге в гг. Челябинск и Троицк”. Показания Михеева подтвердили обвиняемый Лазутин, а также допрошенный по делу Злобин, сопровождавший вагоны с продовольствием и промтоварами в гг. Челябинск и Троицк»⁴⁹.

12 мая 1951 г. Особым совещанием МГБ Ф.М. Широков был признан виновным в том, что являлся соучастником преступной деятельности Кузнецова, Капустина и др., выполняя их преступные указания по отправке в 1942 г. из Ленинграда в Челябинск и Троицк продовольственных и промышленных товаров для снабжения семей этих руководителей, а также незаконно расходовал крупные суммы партийных средств на личные нужды руководящих работников Новгородского обкома партии. Был приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей⁵⁰.

Весной 1954 г. главные фигуранты «ленинградского дела» были реабилитированы, дело по их обвинению было прекращено за отсутствием в их действиях состава преступления. Ввиду того что Широков был осужден как их соучастник, его дело также подлежало прекращению. Об остальных обвинениях в его адрес в определении Военной коллегии Верховного суда СССР говорилось следующее: «Что касается имеющих в деле данных об отдельных фактах злоупотреблений Широкова своим служебным положением и бесхозяйственного

расходования партийных средств, то за это Широков не может быть привлечен к уголовной ответственности в силу Указа Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 г. «Об амнистии»»⁵¹.

Ключевым аргументом для решения Военной коллегии Верховного суда СССР о реабилитации главных фигурантов «ленинградского дела» явилось то обстоятельство, что «кроме признаний обвиняемых других объективных доказательств для обвинения их в антисоветской деятельности нет, а их показания на следствии и суде, как выяснилось в процессе дополнительного расследования дела, не соответствуют действительности и явились результатом применения в отношении их незаконных методов следствия со стороны бывших работников МГБ СССР», что материалы обвинения были сфальсифицированы бывшим министром государственной безопасности СССР В.С. Абакумовым⁵².

Сыновья Ф.Е. Михеева, ознакомившиеся со следственным делом главных фигурантов, также пришли к выводу, что оно «несмотря на весь его размах, было «сконструировано» на словах, никакой мало-мальски приличной доказательной базы не имелось, все фактически было построено на вложенных в «показания» подследственных ложных обвинениях, сформулированных следователями во исполнение указаний сверху». В материалах следствия, изученных Михеевыми, практически отсутствовали какие-либо документы, подтверждающие обвинения, равно как и вещественные доказательства⁵³.

Отмечая очевидную субъективность авторов статьи, осознанно либо неосознанно завуалировавших суть некоторых предъявленных их отцу обвинений, следует все же признать, что в следственном деле действительно может отсутствовать необходимая доказательная база. Она могла быть уничтожена в ходе реабилитации фигурантов «ленинградского дела» в 1954 г. Главное заинтересованное лицо в этом – Н.С. Хрущев. Первый секретарь ЦК КПСС использовал «ленинградское дело» для достижения своих политических целей – дискредитации И.В. Сталина, Л.П. Берии и борьбы с Г.М. Маленковым. Помощник последнего Д.Н. Суханов по прошествии нескольких десятилетий был уверен, что Хрущев целенаправленно приписывал Маленкову организацию «ленинградского дела», для чего чистились архивы, выводились из дела свидетели и вводились лжесвидетели⁵⁴. Об уничтожении хрущевским приближенным, председателем КГБ И.А. Серовым архивных документов вспоминали В.Е. Семичастный, М.С. Докучаев и другие работники органов госбезопасности⁵⁵. О том, что архивные документы в годы правления Хрущева уничтожались, свидетельствовал В.В. Косов, работавший в первой половине 1950-х гг. инспектором ЦК КПСС и заведующим сектором отдела партийных органов ЦК КПСС по РСФСР⁵⁶.

Уничтожение одних документов и засекречивание других развязывало заинтересованным политикам руки для дискредитации своих оппонентов. Н.С. Хрущев ни в выступлении перед ленинградским партактивом в 1954 г., ни в «секретном» докладе на XX съезде КПСС в 1956-м так и не сказал, какие

именно обвинения были предъявлены фигурантам «ленинградского дела», повторяя лишь, что они были сфальсифицированы, сфабрикованы. Причем если в Ленинграде Хрущев хотя бы вскользь упомянул, что Кузнецов и другие руководители «допускали разные излишества», «выпивки» и расходование государственных средств не по назначению, то уже в «секретном» докладе на XX съезде те были представлены исключительно как невинно пострадавшие⁵⁷.

С учетом указанных обстоятельств партийно-следственные дела Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) играют большую роль в процессе реконструкции «ленинградского дела», так как содержат внушительную доказательную базу. Правда, доступность этих дел для исследователей оставляет желать лучшего. Что, в свою очередь, способствует живучести мифов, рожденных еще во времена Хрущева.

Как свидетельствуют документы партконтроля, «блокадные секретари» не жалели средств и материальных ресурсов ради благополучия своих эвакуированных на Урал семей. Все ли они сделали для спасения умиравших от голода и холода жителей блокадного Ленинграда – вопрос, на который еще только предстоит дать ответ.

Примечания

1. ГОВОРОВ И.В. Преступность и борьба с ней в послевоенном Ленинграде (1945–1955): Опыт исторического анализа. СПб. 2004, с. 173–176; ЕГО ЖЕ. Государство и преступность в сталинской России. 1945–1953 гг.: на материалах послевоенного Ленинграда. М. 2019, с. 235–248; СУШКОВ А.В. «Ленинградское дело»: генеральная чистка «колыбели революции». Екатеринбург. 2018, с. 49–77; ЕГО ЖЕ. Роскошь, деньги и банкеты: Документы партконтроля о фигурантах «ленинградского дела». — Свободная мысль. 2021. № 2, с. 88–98; БОЛДОВСКИЙ К.А., БРАНДЕНБЕРГЕР Д. Обвинительное заключение «ленинградского дела»: контекст и анализ содержания. — Новейшая история России. 2019. Т. 9. № 4, с. 1010–1013.
2. МИХЕЕВ В.Ф., МИХЕЕВ Г.Ф. «Ленинградское дело» (по материалам следственных дел) (ч. I). — Новейшая история России. 2012. № 3, с. 223.
3. Там же, с. 230.
4. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 589, оп. 3, д. 6315, л. 255, 272, 275.
5. Там же, л. 195.
6. Там же, л. 272, 277.
7. Объединенный государственный архив Челябинской области, ф. п-288, оп. 42, д. 18, л. 199.
8. РГАСПИ, ф. 589, оп. 3, д. 6315, л. 254.
9. Там же, л. 192.
10. Там же, л. 251.
11. Там же, л. 254–255, 272.
12. Там же, л. 270–272.
13. Там же, л. 192.
14. Там же, л. 253–254.
15. Там же, л. 195, 261, 270.
16. Там же, л. 179.
17. Там же, л. 256, 260–261, 274.

18. Там же, л. 192.
19. Там же.
20. Там же, л. 194.
21. Там же, л. 270–272.
22. Там же, л. 271.
23. Там же, л. 270.
24. Там же, л. 274.
25. Там же, л. 256.
26. Там же, л. 268.
27. Там же.
28. Там же, л. 267–268, 273.
29. Там же, л. 268.
30. Там же, л. 256.
31. Там же, л. 207, 213, 265, 284.
32. Там же, л. 193, 280, 284.
33. Там же, л. 262–264.
34. Там же, л. 207, 284.
35. Там же, л. 265.
36. Там же, ф. 17, оп. 118, д. 550, л. 152.
37. СУШКОВ А.В. «Ленинградское дело» ..., с. 95, 98, 100, 104–105, 145; ЕГО ЖЕ. Роскошь, деньги и банкеты ..., с. 91–92.
38. РГАСПИ, ф. 589, оп. 3, д. 6315, л. 190.
39. Там же, л. 196–197.
40. Там же, л. 212.
41. Там же, л. 203–204, 221–222.
42. Там же, л. 199–200, 208.
43. Там же, л. 206–207.
44. Там же, л. 208–209.
45. Там же, л. 213, 222; ф. 17, оп. 118, д. 550, л. 151.
46. Там же, ф. 589, оп. 3, д. 6315, л. 257–260.
47. Там же, л. 191.
48. Там же, л. 257, 261.
49. БОЛДОВСКИЙ К.А., БРАНДЕНБЕРГЕР Д. Ук. соч., с. 1012–1013.
50. РГАСПИ, ф. 589, оп. 3, д. 6315, л. 282–283.
51. Там же, л. 282.
52. Политбюро и дело Виктора Абакумова: Сб. док-тов / Под ред. О.Б. Мозохина. М.—Берлин. 2021, с. 631–632.
53. МИХЕЕВ В.Ф., МИХЕЕВ Г.Ф. «Ленинградское дело» (по материалам следственных дел) (ч. II). — Новейшая история России. 2013. № 1, с. 193.
54. ПАПУШИН А. Второе дно «ленинградского дела». — Московская правда. 1994. 18 февраля.
55. СЕМИЧАСТНЫЙ В.Е. Беспокоеное сердце. М. 2002, с. 168; БАРСУКОВ Н.А. Хрущевские времена. Непринужденные беседы с политическими деятелями «великого десятилетия». В кн.: Неизвестная Россия. XX век. М. 1992, с. 272; ДОКУЧАЕВ М.С. История помнит. М. 1998, с. 389–390; ЖИРНОВ Е. Великий депортатор. — Коммерсантъ-Власть. 2000. № 49, с. 50–55.
56. Государственный архив Свердловской области, ф. р-2766, оп. 1, д. 144, л. 34–34 об.
57. Реабилитация: как это было: Док-ты Президиума ЦК КПСС и др. м-лы. Т. 1: Март 1953 – февраль 1956 / Сост.: А.Н. Артизов, Ю.В. Сигачев, И.Н. Шевчук, В.Г. Хлопов. М. 2000, с. 135–138; Доклад Н.С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС: Док-ты / Сост.: В.Ю. Афиани, З.К. Водопьянова, А.В. Головенкина и др. М. 2002, с. 94–96.